

Св. Писания, а надъ арками на прозрачныхъ голубыхъ фонахъ вбитыя крылатые головы херувимовъ. Много труда и вкуса пришлось вложить талантливому архитектору на разработку живописного орнамента, сплошь покрывающего стѣны. Надо сказать, что гораздо легче бы было справиться съ украшениемъ стѣнъ, если бы ввели лѣтний орнаментъ, но лѣтня и скульптура вообще хотя и несовершенна, чужды византизскому стилю, но употреблены въ весьма умѣренномъ количествѣ; здѣсь архитектору пришлось поработать надъ каждымъ листкомъ, надъ каждымъ завиткомъ, въ смыслѣ рисунка и надъ каждымъ тономъ въ смыслѣ колорита, чтобы все это громадное разнообразіе линий и красокъ слѣло въ общую гармонию; это было тѣмъ болѣе трудно, что, какъ намъ вѣстно, въ городѣ нѣтъ достаточно опытныхъ мастеровъ такъ называемыхъ алмафрейщиковъ, которые обыкновенно съ намекъ понимаютъ желаніе художника, во всякую деталь пришлось входить самому и, надо отдать справедливость въ любви къ дѣлу и вкусу А. Н. Бенетова, въ отдалѣнныхъ получалась необходимая гармонія въ цѣломъ, при изшествіи отдаленныхъ частей въ строго выдержанномъ стилѣ. Приятный эффектъ общаго тона церкви также усиливается красною окраскою стѣнъ, разграничивающими стѣнками, что также весьма характерно. Какъ было уже сказано, пролетъ западной арки ведетъ въ притворъ, надъ которымъ помѣщаются хоры, дѣла такимъ образомъ эту арку весьма граціознымъ карнизомъ, на этотъ послѣдній упирается золотая ажурная рѣшетка хоръ. Здѣсь обращаетъ на себя вниманіе то, что хоръ освѣщенъ окнами снизу. Изъ церкви, благодаря также ловко рассчитанному тону стѣнъ, онъ кажется при незначительныхъ размѣрахъ глубокимъ, уходящимъ въ полумракъ, отчего освѣщеніе центральной части еще болѣе выпираетъ. Только на потокъ хоръ замѣчается три голубыхъ круга, какъ бы три отверстия, изъ которыхъ видно небо съ парящими въ немъ серафимами, освѣяющими своими огненными крыльями молящихся. Замѣтимъ еще одну типическую особенность византийскаго стиля въ украшеніи стѣнъ, — это писаніе на нихъ, что мы и видимъ по сторонамъ западной арки: здѣсь на зеленоватомъ фонѣ мрамора золотыми буквами изложено символъ вѣры.

Рассмотрѣвъ внутреннюю архитектуру церкви, перейдемъ къ описанію ея стѣнной живописи, прекрасно исполненной талантливыми художниками М. Р. Пестриковымъ. Она вполнѣ согласована по своему строгому византизскому стилю съ внутренней архитектурной отдаленной церкви. Въ четырехъ большихъ, поддерживающихъ куполъ, парусахъ изображены на золотыхъ фонахъ фигуры св. евангелистовъ; ниже на южной стѣнѣ церкви въ большомъ кругу помѣщено апокалиптическое изображеніе Христа въ славіи съ двумя возлюбленными ангелами по сторонамъ. По бокамъ этого средняго круга, въ двухъ мень-

шихъ кругахъ, также на золотыхъ фонахъ, написаны ветхозавѣтные пророки св. Илья и св. Моисей, какъ и на противоположной стѣнѣ въ такихъ же кругахъ св. царь Давидъ и св. Исая. Каждое изъ этихъ изображеній представляетъ изъ себя совершенно оригинальную композицію; въ фигурахъ много движенія и экспрессіи. Здѣсь надо замѣтить одну особенность живописи византийскаго стиля: это строгость въ выраженіи лицъ и сухощавость обрисовки. Византийскій стиль, который, кстати сказать, такъ присущъ православной церкви, не допускаетъ лубочно-слащавой милосердия, какъ въ рисункѣ, такъ и въ краскахъ, такъ называемой, фривольной или итальянскій живописи (которой, къ сожалѣнію, такъ много въ харьковскихъ церквяхъ), болѣе подходящей къ украшенію стѣнъ помѣщеній каменныхъ, но только не храмовъ. И съ этой стороны описываемая нами живопись вполне характерна, не говоря уже о строгихъ старческихъ лицахъ пророковъ и апостоловъ, — мы подмѣчаемъ ту же строгость и въ молодыхъ лицахъ ангеловъ, и въ этой то красной и даже аскетической строгости, по нашему, и заключается прелесть и цѣлесообразность византийскаго стиля, художественные образцы которой мы видимъ въ древнихъ византийскихъ храмахъ Константинополя, Равенны и др. и, наконецъ, въ такомъ шедеврѣ современнаго искусства византийскаго храма, какъ кіевскій Владимирскій соборъ. Даже по сторонамъ главнаго входа помѣщены изображенія двухъ евангелистовъ: Христа отрока во храмѣ и Христа, благословляющаго дѣтей. Эти работы трактованы М. Р. Пестриковымъ уже какъ картины съ нѣкоторымъ реализмомъ, на сколько онъ можетъ быть допущенъ въ картинахъ для церкви. Написаны онѣ матовыми красками (алма-фреско), что обуславливается ихъ освѣщеніемъ (прямо противъ свѣта). Не допуская излишняго реализма, какъ уже замѣчено, по принципъ мѣста и будучи вынужденъ по тону и композиціи фигурировать эти картины съ общими тономъ всей церкви, какъ это необходимо въ стѣнной живописи, гдѣ картина рассматривается не отдаленно, — художникъ тѣмъ не менѣе сумѣлъ вложить въ эти свои произведенія, помимо выраженія и прекрасной композиціи — настроеніе. Особенно съ этой стороны удачно благословеніе дѣтей, гдѣ чувствуется веселье и отъ всей картины вѣетъ какой-то благоговѣйной тишиной. Стѣнная живопись обоилась около 2,000 рублей.

Въ иконостасѣ прежде всего поражаетъ своей красотой замѣчательная легкость и граціозность пропорцій общей массы и необыкновенно ловкое выщипаніе ея подъ сводъ арки. Отъ вѣда яруса и разработаны кіоты, между которыми, по обычаю, трое дверей: северная, южная и Царская, надъ послѣдними возвышаются арка, увѣнчанная крестомъ. При всей ажурности, богатствѣ и изяществѣ орнаментистивъ, которой разра-

ботанъ иконостасъ, онъ все таки производитъ впечатлѣніе плотной стѣны, какъ это и должно быть въ византизскомъ иконостасѣ, благодаря разсчету на золотые фоны образовъ (иконостасъ весь золотой), составляющихъ съ тѣломъ иконостаса какъ бы одно общее дѣло, не производя впечатлѣній отъ отверстій. Сооруженіе иконостаса стоить 4,700 рублей. По лѣвой и правой сторонамъ солен расположены два золотыхъ кіота, которые еще болѣе какъ бы заканчиваютъ и обогащаютъ общій эффектъ красотъ иконостаса.

Въ кіотѣ, расположенномъ по лѣвую сторону, помѣщенъ образъ св. Александра Невскаго, сооруженный въ средства харьковскаго купечества въ память горестнаго дня кончины въ Бозѣ почивающаго Императора Александра III; въ правомъ же кіотѣ находится образъ св. Николая Чудотворца, сооруженный изданіемъ того же купечества въ память чудеснаго избавленія Государя Наслѣдника Цесаревича, а нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора Николая Александровича отъ опасности, грозившей Его Величеству въ Японіи.

Всѣхъ живописныхъ иконъ въ иконостасѣ насчитывается 24; онѣ имѣютъ различную форму и размѣры. Всѣмъ художественно исполнены въѣзными кіевскими художниками академикомъ И. О. Селезневимъ, причѣмъ всѣ иконописныя работы обошлись въ 6,000 рублей. Въ первомъ ярусѣ находятся слѣдующія св. иконы: въ Царскихъ вратахъ — Благословеніе Пр. Богородицы, четыре евангелиста, Мѣстные образы — Исусъ Христосъ, Матерь Божья съ Предвѣчнымъ Младенцемъ на рукахъ, храмовая икона Нерукотвореннаго Спаса, св. равноапостольная Марія Магдалина; въ северныхъ дверяхъ находится икона Архангела Михаила, въ южныхъ — Архангела Гавриила.

Во второмъ ярусѣ иконостаса: св. равноапостольные первоучители славянскіе Кириллъ и Мефодій, апостолъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, пророкъ Предтеча и Креститель Господень Іоаннъ, апостолъ Павелъ и Петръ. Надъ Царскими вратами — Тайная вечеря, въ вѣдѣ иконостаса — Введеніе во храмъ Пресвятыя Богородицы, Преображеніе Господне, Св. Троица, Вознесеніе Господне, Рождество Христово.

Особенно замѣчательны запрестольный образъ Воскресенія Христова. Надъ жертвенникомъ помѣщается въ отдаленной рамѣ образъ Спасителя и „Моленіе о члвчѣ“.

Возлѣ кіотовъ, сооруженныхъ въ память кончины Царя-Мироотворца и въ ознаменованіе чудеснаго спасенія нынѣ благополучно царствующаго Государя Императора, въ отдаленныхъ деревнянскихъ вышолоченныхъ поставкахъ помѣщены: свѣтлый равноапостольный князь Владимиръ — въ образѣ величаваго старца, въ драгоцѣнной вышолоченной одеждѣ, вѣнецъ съ крестомъ на главѣ, десница въ знакъ смиренія на груди, въ лѣвой рукѣ крестъ; вверху иконы славянскими буквами написана молитва его, сказанная во

время крещенія киевлян: „Боже, сотвори небо и землю, прости на ны люди сія и даждь имъ, Господи, угодѣнн Тебе истиннаго Бога, якоже угодѣннъ странамъ христианскимъ; утверди и въру въ нихъ праву и не сохрани и мнѣ помози, Господи, на сопротивнаго врага, да надѣйся на Тя и на Твою Державу побѣду кознь его“. Икона эта — подарокъ художника г. Селезнева.

Образъ въ память 17 октября 1888 года: изображены святые два: — св. мученикъ Леонцій, св. пророкъ Осія въ рубѣхъ свѣтлыхъ съ надписаніемъ словъ: „отъ руки адовъ избавлю я и отъ смерти искулю а; гдѣ при твоя смерти, гдѣ оспенъ твой аде“ (13, 14). Бесеробенникъ и чудотворецъ Косма и Даміанъ, Лазарь четверодневный, св. мученикъ Анонимъ, предобомученникъ Андрей Критскій съ Нерукотвореннымъ образомъ и св. мученикъ Евтропій; надъ всѣми сими святыми мужиками воспаряетъ Духъ Святый въ видѣ голубя въ сімніи.

Всѣ иконы иконостаса прекрасно исполнены И. О. Селезневимъ въ византизскомъ стилѣ XII столѣтія и составляютъ главнѣйшее украшеніе церкви. Изящная тонкость работы, оригинальная правильность рисунка и композиція фигуръ, тщательность письма, нѣжность и тонкость красокъ, живое изображеніе лицъ, разумно-критическое отношеніе къ дѣлу, мягкость, задумчивость, сосредоточенность, глубина религиозно-церковнаго одушевленія и строго соблюденнаго стиля дѣлаютъ работы г. Селезнева высоко-художественными произведеніями церковной живописи. Художественная сторона не приносится въ жертву didattической тенденціи и булгановизму. Работы обнаруживаютъ тонкій и воспитанный вкусъ въ церковно-художественныхъ преданіяхъ древне-византийскаго иконописи. Онѣ невольно порождаютъ мысль, что это дѣло мастера торгаша, старающагося въ возможно короткое время приготовить возможно больше и взять количествомъ, а не качествомъ; здѣсь сказывается душа художника-иконописца, выдающагося святою цѣлью исполнять въ иконостасѣ изображенія, нравственно-религиозную, наглядную идею. Въ церковно-художественномъ отношеніи изображенія всѣхъ иконъ работы г. Селезнева вполнѣ удовлетворяютъ религиозно-молитвенному настроенію.

Отличающаяся столь благодушно художественностью, церковно харьковскаго коммерческаго училища Императора Александра III, по своему внутреннему благоустройству, украшенію, богатству и вѣстимости (расчитана на 600 челоѣкъ) есть самая лучшая изъ всѣхъ домашнихъ училищъ Харьковъ. Она создана и украшена не на казенныя средства, а по добровольному и единодушному желанію попечительнаго совета училища, искренно преданнаго интересамъ и задачамъ училищной жизни. Первая мысль о постройкѣ церкви принадлежала самому попечительному совету, и она возникла одновременно съ вопросомъ объ устрой-

ствѣ самого училища. 17 июня 1890 года вмѣстѣ съ закладкой зданія училища была торжественно совершена высокопресвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтарскимъ, закладка церкви при немъ. И съ тѣхъ поръ училищная церковь была главнѣйшимъ предметомъ горячихъ заботъ попечительнаго совета. Всѣ засѣданія совета, имѣющія предметомъ своимъ вопросъ о сооруженіи церкви, всегда отличались живымъ участіемъ, общимъ сердечнымъ вниманіемъ. Попечительный советъ принесъ всѣ добрыя усилія, личное знаніе и трудъ своей любви для надлежащаго выполненія строительныхъ и художественно-архитектурныхъ работъ и успѣшнаго окончанія постройки церкви. Онъ имѣлъ не только общій надзоръ за ходомъ работъ, но и слѣдилъ за исполненіемъ ихъ на мѣстѣ. Отъ него исходили и необходимыя руководящіе свѣдѣнія о техническихъ условіяхъ постройки, описаніе строительныхъ материаловъ, производство всѣхъ работъ и указаніе лучшихъ мастеровъ своего дѣла. Изъ изысканій нужныхъ средствъ на самое построеніе и пріядіе благолѣпія церкви.

Церковь вполнѣ достаточно снабжена и украшена богатою утварью и роскошными облаченіями. Всѣ драгоцѣнные предметы Богослуженія и принадлежности утвари сооружены цѣлостно пожертвованіями попечительнаго совета. Серебро-позлащенные сосуды, дарохранительница, напрестольное Евангеліе и крестъ (личная даръ председателя попечительнаго совета, Н. В. Орлова), бронзовые золоченныя ставнны (личная даръ члена попечительнаго совета, И. К. Волитченко) и паникадило (личная даръ члена попечительнаго совета, И. О. Силина) особенно хороши по изящности и тонкой работѣ. Драгоцѣнная позолоченная товарищеская предсѣдателя попечительнаго совета, Н. М. Михайловымъ. Колокола для звонницъ пожертвованы ктитормъ церкви М. П. Соколовымъ. При добротѣ, живомъ участіи попечительнаго совета въ святому дѣлу стеклись приношенія какъ наличными деньгами, такъ и церковными вещами отъ учениковъ и ихъ родителей и отъ другихъ благотворителей, преимущественно лицъ купеческаго сословія. Съ особенною благодарностію слѣдуетъ упомянуть имена: предсѣдателя попечительнаго совета Н. В. Орлова, товарища его Н. М. Михайлова, членовъ совета: И. К. Волитченко, Т. С. Булыгина, И. О. Силина, А. Я. Жмудского и директора училища И. А. Виноградова, какъ самыхъ дѣятельныхъ участниковъ въ постройкѣ церкви и богатствъ, изящности и роскошномъ украшеніи ея.

Воздвигнутый храмъ — однопрестольный и сооруженъ во имя Нерукотвореннаго Образа Христа Спасителя; престольный праздникъ 16-го августа — праздникъ перенесенія Нерукотвореннаго Образа Господа нашего Исуса Христа, рекше святого Уруса, отъ Египца въ Константинополь. Первымъ настоятелемъ церкви назначенъ

высокопресвященнѣйшимъ Амвросіемъ, архіепископомъ Харьковскимъ и Ахтарскимъ, заочученіемъ училища, священникъ Іоаннъ Филевскій. Должность ктитора учреждена по журналу попечительнаго совета въ 1894/95 учебн. году. Первымъ ктитормъ избранъ харьковскій купецъ М. П. Соколовъ, утвержденный въ должности высокопресвященнѣйшимъ Амвросіемъ.

Кто дню освѣщенія церкви настоятелемъ и законоучителемъ училища священникомъ о. Іоанномъ Филевскимъ составлена историческая записка о вновь сооруженной церкви съ приложеніемъ повѣствованія о Нерукотворенномъ Образѣ. Изъ этой записки мы заимствовали большую часть свѣдѣній, помѣщенныхъ въ настоящей статьѣ.

Новыя средства въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ.

Въ виду выставленныхъ вопросовъ, подлежащихъ обсужденію на предстоящемъ сѣздѣ сельскихъ хозяевъ Харьковской губерніи, по изысканію способовъ и средствъ улучшенія конскаго состава среди мѣстнаго крестьянства, дѣлаемъ попытку предложить вниманию сельскихъ хозяевъ нѣкоторые данныя о коневодствѣ въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ. Во исполненіе только что высказаннаго намѣренія считаемъ болѣе цѣлесообразнымъ предварительное изложеніе фактической части предпослать изъ исторіи уральскаго коневодства нѣсколько общахъ мѣстъ, на основаніи которыхъ можно было бы составить опредѣленное понятіе о предметѣ путемъ усвоенія себѣ одного изъ существующихъ условій, — изъ какихъ конскихъ средствъ и источниковъ создается коневодство на Уралѣ и каковыя видоизмѣненія подверглась съ теченіемъ времени основной матеріалъ подлѣ влияния, вносимыхъ въ него, преобразовательныхъ вѣяній.

Частина войны въбывающаго народнаго моря русскаго государства конца XV вѣка, днущагося отъ центра къ окраинамъ, достигла, между прочимъ, и береговъ Урала и, освѣя здѣсь, среди роскошной и привольной, дѣйственной природы, положила начало колонизаціи русской народности. Ставъ лицомъ къ лицу съ коренными обитателями средне-азиатскихъ степей — диками кочевниками и отговаривая себя постепенно право на независимое существованіе въ возгорѣвшейся одновременно съ этимъ борьбѣ, первые пионеры колонизаціи притуралскаго края, по разнымъ историческимъ и социальнымъ мотивамъ, внесли въ основную организацію своего быта вопроса тѣ широка община начала, которыми характеризуются община уральскаго казачества, не имѣющая ничего подобнаго ни въ намѣстѣ, ни въ другихъ государствахъ. Естественно, что стремленіе первыхъ колонизаторовъ удержатъ за собой занятую территорию въ борьбѣ съ подвижными, юркими кочевниками побуждало ихъ на первыхъ же порахъ обратиться къ неизвѣстному товарищу тревожно-боявой жизни — лошади, какъ въ сред-

ству, болѣе содѣйствующему успѣху дѣла, и имѣющей, по словамъ проф. Брандта, „едва ли не первенствующее значеніе въ культурно-историческомъ отношеніи большинства народовъ“, и при томъ въ такой лошади, которая прежде всего могла бы какъ выносить стойко суровыя условія окружающей природной обстановки, соотвѣтствовать невзлѣдному быту первыхъ колонизаторовъ, такъ и служить вмѣстѣ съ тѣмъ надежнымъ средствомъ къ достиженію задачъ, — она должна была быть неприхотливой къ корму, выносливой и неумоимой въ большихъ переѣздахъ, живой, подвижной и рѣзвой въ преслѣдованіи врага. Естественно также, что наиболѣе удовлетворяющей подобнымъ требованіямъ являлась лошадь степной породы, распространенная среди тѣхъ же самыхъ коренныхъ жителей уральскихъ степей — киргизы, съ которыми пришло въ степи пришлось вступить въ кровавый споръ. И на самомъ дѣлѣ исторія коневодства въ Уральскомъ казачьемъ войскѣ какъ въ прошломъ, такъ и въ современномъ его состояніи, на основаніи нагляднаго изученія существующихъ образцовъ, доказываетъ, что лошадь уральскаго коневодства по тѣлу и по своимъ во многихъ отношеніяхъ замѣчательнымъ индивидуальнымъ свойствамъ — та же самая лошадь степной, киргизской породы, перешедшая въ казачьяхъ преемственно со всѣми типическими особенностями, свойственными коневодству строю кочевниковъ, и въ этой разѣ вытѣлой системѣ сохраняющимися въ общихъ основныя черты, за немногими исключеніями, и до настоящаго времени, и что, если уральская лошадь въ подробностяхъ своихъ въ данное время и отличается отъ своего родоначальника типа многими культурными достоинствами, то все же нельзя разсматривать ее иначе, какъ модификацію типа киргизской лошади, обусловленную улучшеніемъ коневодческихъ бытовъ у казачества, какъ болѣе культурнаго элемента по сравненію съ таковымъ у киргизовъ, и, главнымъ образомъ, и въ болѣе мѣрѣ влияніемъ тѣхъ мѣроприятий, которыя предпринимались казачами — коневодами впоследствии, когда казачья, въ силу поступательнаго историческаго хода, должна была преобразоваться изъ война исключительна въ мирную, сельскаго обывателя, когда, сообразно вновь возникающимъ потребностямъ времени и роду занятій, существующіе образцы лошади переставали удовлетворять сельско-хозяйственнымъ надобностямъ. Возникши на этой почвѣ стремленія среди мѣстныхъ коневодовъ и носившія на первыхъ порахъ характеръ частной, личной инициативы, ограничивались предѣлами отдаленныхъ хозяйствъ и имѣли по преимуществу своею цѣлью поднятіе роста лошади мѣстнаго типа или путемъ подбора племенныхъ особей въ границахъ породъ самой въ себѣ, или же путемъ скрещиванія ея съ производными другихъ, болѣе крупнаго рода, и, следовательно, эти отдаленныя попытки по улучшенію въ об-

МАХИХА-СОПЕРНИЦА.*

РОМАНЪ, (12)

На встрѣчу экипажа изъ воротъ усадьбы высочайшо пущенъ шесть собакъ съ радостнымъ визгомъ и лаемъ, проводивъ его до крыльца, чуть не сбивъ съ ногъ Ивана Осиповича, который, выскочивъ, подаль руку племянницѣ. Одинъ Парисъ, величаво восседавшій на верхней ступенькѣ, небрежно повернулъ голову и даже не пшевельнулся на встрѣчу хозяйки.

— Чья это чудная собака? — спросилъ Андрей въ и глазахъ его мелькнулъ охотничій восторгъ. — Моего пасынка Володи, — отвѣчала Марья Васильевна и остановилась, завидѣвъ мужа, который, запяленный и красный, усореннымъ шагомъ подходилъ къ нимъ изъ угла дома.

— Здравствуй, Машур! — кричалъ онъ, махая руками. — Что это ты уѣхала, не сказавшись? А я испугался былой.

Онъ обнялъ ее и оставилъ слѣды пыли на бархатной отдалѣ ея нарядовъ.

— Рекомендую тебѣ, Коля, моего дѣдушку Ивана Осиповича, — сказала Нечаяева, — ты, вѣроятно, помнишь его?.. Николай Петровичъ вселенула руку.

— Ваня! — воскликнулъ онъ, цѣлуясь съ Андреемъ, и отступилъ на шагъ. — Ну, голубчикъ! не узналъ бы, ни за что не узналъ бы васъ!

— Какъ и узнать тебѣ? — отвѣчалъ Иванъ Осиповичъ, обрадованный пріѣздомъ старика. — Жизнь-то порядкомъ порастеряла да помяла меня. А вотъ вы, Николай Петровичъ, все такой-же свѣжій, цѣтущій и милый, какъ и были! и старость не смѣетъ подступиться къ вамъ!

— Не смѣетъ, батюшка, не смѣетъ! жена молодая прогонитъ ее! Пожалуйте! милости просимъ! очень радъ дорожному гостю!..

Андрѣй былъ тронутъ искренно радужными тономъ старика и крѣпко пожалъ ему руку.

— Ужъ вы меня извините! — говорилъ Нечаяевъ, входя въ комнату, — съ раннего утра сегодня возжусь съ машинами, получилъ вчера изъ Питера молодую новую и вѣдалу, прелесть, должно быть хороша!

— А машинистъ въ вѣстѣ есть? — Пошли въ городъ за нимъ, есть тамъ у меня знакомый, боюсь только, не занятъ-ли.

— Не безпокойтесь, Николай Петровичъ, я къ вамъшъ усугублю въ этомъ отношеніи.

— Неужели? ну, я очень радъ!

— Вотъ и отично! — сказала Марья Васильевна. — Сейчасъ будемъ завтракать, а потомъ ступайте работать.

Она вышла изъ гостиной. Андрѣй хотѣлъ себѣ, но вдругъ остановился, пораженный при взглядѣ на портретъ Нины.

— Кто это? — невольно воскликнулъ онъ.

— Дочка моя, Нина! — отвѣчалъ старикъ съ гордой улыбкой. — Она была еще груднымъ ребенкомъ, когда вы уѣхали изъ нашихъ палестинъ.

— Какая прелесть! совершенно голубка Рафаэля!

— Недурна-съ, всѣ находятъ, что не дурна! А вотъ и оригиналъ обжигать въ намъ, — добавилъ Нечаяевъ, взглянувъ въ окно, выходящее на террасу.

Въ сосѣдней комнатѣ послышались легкіе шаги и въ дверяхъ появилась Нина, въ малороссійскомъ костюмѣ, сѣзжая, розовая, съ расстегнутыми кудрами на лбу. Увидѣвъ незнакомаго высокую фигуру Ивана Осиповича, она остановилась. Нечаяевъ отрекомендовалъ ихъ другъ другу.

— Ну, кто лучше: копія или оригиналъ? лукаво спросилъ онъ, видя, что Андрѣй смущенно поглядывалъ на дѣвушку.

— Это ты о чемъ? — быстро обернулся въ отцу Нина. — Ну, вижу, что успѣлъ ужъ прочесть лекцію о моей красотѣ! ахъ, папа! ну когда я тебя исправила? Вы давно знаете моего болтливаго папу? — спросила она Андрѣя.

— Давно, Нина Николаевна! васъ и на свѣтѣ еще не было, какъ я его знаю.

— И онъ всегда былъ такой?

— Какой?

— Простенькой, миленькой?

— Къ счастью для ближнихъ его, всегда была такой; дай Богъ, чтобы всѣ люди были такіе простенькие какъ онъ: тогда насталъ бы рай на землѣ!

— съ чувствомъ отвѣчалъ Андрѣй.

— Слышимъ папа? ты просто у меня прелесть! кто тебя только узнаетъ, такъ и растаетъ! Она и я не люблю и презлудлю!

И, обнявъ шею отца, Нина осмѣяла подблудами его глаза и лицо, все запачканное пылью.

— Ахъ, маулу! ахъ стрекоталъ!

ворчалъ старикъ, сіяя отъ удовольствія.

— И ты палочка маулу! всю гримировку оставилъ на моихъ губахъ! Срамъ какой! на кого ты похожъ? поди умойся!

Старикъ ушелъ смѣясь.

— Вы, значить, я маму мою знаете? — спросила Нина, садясь на диванъ.

— Видаль нѣсколько разъ.

— Хороша она была?

— Красавица! я тогда былъ еще очень молодъ и, помню, всегда любилъ ея лицомъ и манерами.

Грусть промелькнула въ свѣтлыхъ глазахъ дѣвушки.

— Да, жалъ маму! умереть такой молодой, красивой, любимой! — протворила она, вдохнувъ. — Я ее слабо помню.. мала еще была тогда.. Что же вы на долго прѣхали? вѣдь вы все путешествоуете?

Андрѣй смутился подъ невнимательнымъ взоромъ Нины. Красота ея его поразила и онъ чувствовалъ себя мелочнымъ, естественнымъ и вѣстимымъ по сравнению съ присутствіемъ этого молодого, свѣжаго существа.

— Думаю прожить долго, а впрочемъ не знаю наверняка. И дѣйствительно дѣлать-то какъ-то сдѣлался, привыкъ вести кочующую жизнь.

— Это должно быть весело?

— Не совѣтъ, Нина Николаевна! въ молодости это хорошо, а подлѣ старости танетъ въ уютномъ, спокойному уголку.

— Ну чтожъ! вотъ и живете съ нами. Вы не женаты?

— Нѣтъ, не успѣлъ жениться молодымъ и хорошо сдѣлалъ, а послѣ ужъ было не въ чѣмъ.

— Отчего? вы еще совѣтъ не стары! Вотъ мой папа какой старикашка, а вѣдь да и женился.

Вашъ папа совѣтъ другого характера.

— Это положитъ, правда; мой папа удивительнаго характера! Хорошо, что онъ вѣдалъ маму, которая съ дѣтства любила его и они оба счастливы. А представьте себѣ, что на мѣстѣ вашей племянницы была бы какая-нибудь лодкая особа, которая притворилась-бы влюбленной въ него, и онъ женился-бы изъ сожалѣнія!

Она, вѣдь, чудакъ, не можетъ видѣть страданій и сейчасъ-же готовъ помочь чѣмъ-то по ни было.

У насъ тутъ одна сосѣдка, барышня лѣтъ сорока, ужасно ухаживала за нимъ и только испортила свои планы тѣмъ, что онъ случайно подсмотрѣлъ, какъ

она была по цѣпкамъ свою горничную. А то ужъ совѣтъ было расталъ..

— Кто расталъ? — спросилъ восторженный Николай Петровичъ.

— Конечно, ты. Кто-жъ, кроме тебя, можетъ тѣтъ при видѣ охотчихъ барыни и барышни, не разбирая, отчего онъ охотитъ: отъ горя или отъ тѣсныхъ ботинокъ?..

— Ну, ну, не заговаривайся, дочка милая! а тоже умѣю разбирать женские капризы!..

— Не умѣешь, не можешь, младенецъ ты мой! и хорошо дѣлаешь.

Андрѣй смѣлся, глядя на веселыя лица отца и дочери. Восторженъ легкой дождикъ, что завтра поданъ. Марья Васильевна, довольная и успокоенная, сѣзла за столъ. Она узнала, что вчера послѣ ея отъѣзда Андрей Павловичъ вернулся съ прогулки и сейчасъ-же уѣхалъ домой. Она сердилась на себя за бессонную ночь, которую провела у бабушки, терзаемая ревностью. Иванъ Осиповичъ поздравилъ съ Володей въ ихъ быструю завязавшуюся разговоръ охотѣ, ружьяхъ и собакахъ. Юноша сразу почувствовалъ въ гостѣ истиннаго охотника и знатока и съ разгорѣвшимися глазами засталъ его вопросомъ по части стрѣльбы и обученія собакъ. Послѣ завтрака Николай Петровичъ отправился съ Андрѣевымъ въ машинный сарай, а Нина съ работой уѣхала въ своей любимой бесѣдѣ, охотливой виноградомъ и объясняясь съ рѣвн прохладными вѣтеркомъ. Къ ней пришла Марья Васильевна и стала рассказывать о похаживающихъ своихъ дѣлкахъ.

Нина, слушающая, даже поблѣднѣла отъ волненія.

— Ахъ, Боже мой! какой ужасъ! — воскликнула она. Блѣдный жалкій онъ какой!

— Очень жалкій, Ниночка! Я въ самомъ дѣлѣ ему дамъ денегъ, если онъ исправится.

Нина, въ невольномъ порывѣ, охватила шею махичи и крѣпко

